

К 1198366

В. В. ГУРА

Ф. А. АБРАМОВ

М. ШОЛОХОВ

СЕМИНАРИЙ

В. В. ГУРА, Ф. А. АБРАМОВ

М. А. ШОЛОХОВ

СЕМИНАРИЙ

Издание второе, дополненное

к 1198366

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Ленинград : 1962

ВОЛОГОДСКАЯ
областная библиотека
им. И. В. Бабушкина

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Раздел первый</i>	
История изучения жизни и творчества М. Шолохова	5
1923—1932	6
1933—1945	28
1946—1955	78
1956—1960	118
Основные задачи изучения жизни и творчества М. Шолохова	155
<i>Раздел второй</i>	
Жизнь и творчество М. Шолохова (основные даты)	163
<i>Раздел третий</i>	
Темы для самостоятельных работ (с основной библиографией и аннотациями)	228
I. Основные пособия по спецсеминару	—
II. Советские писатели о М. Шолохове	231
III. Творчество М. Шолохова	235
1. Раннее творчество	—
2. История создания романа «Тихий Дон»	238
3. «Тихий Дон» как историко-революционная эпопея	240
4. Народ в «Тихом Доне»	242
5. Образ Григория Мелехова	244
6. Характеры русских женщин в романе «Тихий Дон»	247
7. Коммунисты в романе «Тихий Дон»	249
8. Лагерь контрреволюции в «Тихом Доне»	251
9. Сюжет и композиция романа «Тихий Дон»	252
10. Основные принципы изображения характеров в «Тихом Доне»	254
11. Художественные принципы изображения исторической действительности в «Тихом Доне»	256
12. «Тихий Дон» и устное народное творчество	258
13. Пейзаж и его роль в «Тихом Доне»	262
14. Роль и характер авторских отступлений в «Тихом Доне»	264
15. Стиль авторской речи в «Тихом Доне»	265
16. Язык персонажей «Тихого Дона»	267
17. «Тихий Дон» как произведение социалистического реализма	268
18. «Поднятая целина» и роман о колхозной деревне конца 20-х и начала 30-х годов	270
19. История создания романа «Поднятая целина»	272
20. Партия и народ в «Поднятой целине»	275
21. Образ коммуниста-рабочего в «Поднятой целине»	277

22. Кондрат Майданников и его роль в «Поднятой целине»	279
23. Типы врагов колхозного строя в «Поднятой целине»	280
24. Принципы типизации характеров в «Поднятой целине»	281
25. Сюжет и композиция «Поднятой целины»	283
26. Юмор и его роль в «Поднятой целине»	284
27. Стиль авторской речи в «Поднятой целине»	286
28. Язык персонажей «Поднятой целины»	287
29. «Поднятая целина» и вопросы социалистического реализма	289
30. Шолохов в годы Великой Отечественной войны	291
31. Послевоенная публицистика Шолохова	293
32. Новаторство и мастерство в рассказе «Судьба человека»	295

IV. М. Шолохов и классическая литература.

33. Творчество Шолохова и традиции русской классической литературы	297
34. Шолохов и Гоголь	298
35. Шолохов и Лев Толстой	300

V. М. Шолохов и советская литература.

36. Шолохов и советская литература	301
37. Шолохов и Горький	303
38. Шолохов и Серафимович	305
39. Шолохов в оценке советских писателей	307

VI. М. Шолохов и искусство.

40. Шолохов и театр	310
41. Шолохов и советская опера	313
42. Шолохов и кино	317

VII. Мировое значение творчества М. Шолохова.

43. Шолохов в странах народной демократии	322
44. Шолохов и зарубежная литература	324

Раздел четвертый

Издание произведений М. Шолохова	328
--	-----

Раздел пятый

Библиографические материалы о М. Шолохове	365
Авторефераты диссертаций	369
Алфавитный указатель произведений М. Шолохова	371
Указатель имен	374

«История изучения жизни и творчества М. Шолохова (1946—1955)» и «Темы самостоятельных работ (18—29)» написаны Ф. А. Абрамовым; все остальные разделы написаны В. В. Гура.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Творчество крупнейшего писателя нашего времени Михаила Александровича Шолохова занимает видное место в истории русской советской литературы. Количество рецензий, критических статей и литературоведческих исследований, специально посвященных произведениям Шолохова, исчисляется многими сотнями.

О его творчестве написаны критические очерки и монографии. Вышли в свет два био-библиографических справочника о Шолохове. Изучению жизни и творчества автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» уделяется большое внимание в средних и высших учебных заведениях страны.

Настоящий Семинарий представляет собой учебное пособие для студентов и аспирантов филологических факультетов. Авторы пытались также удовлетворить запросы преподавателей и исследователей советской литературы.

Назначение книги — организовать работу изучающих творчество Шолохова, предоставить в их распоряжение весь необходимый справочно-библиографический материал и наметить пути дальнейшего исследования творчества писателя.

В своей работе авторы исходили из типа семинария, установленного в нашем литературоведении проф. И. К. Пиксановым, а также учитывали опыт создания семинариев по советской литературе.

Семинарий по Шолохову — первый семинарий по творчеству писателя-современника, продолжающего активно работать в нашей литературе.

Результаты многообразных исследований шолоховского творчества до сих пор не обобщены, не подведены итоги большой работы критиков и литературоведов, библиографов и педагогов. Не написана еще и история советской критики, в которой важное место занял бы анализ критических оценок и литературоведческих исследований шолоховского творчества. А без этого невозможна ни дальнейшая углубленная разработка важных проблем, связанных с творчеством автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины» и его вкладом в советскую литературу, ни сколько-нибудь серьезная постановка специальных семинариев по Шолохову в высших учебных заведениях страны. Это обстоятельство определило характер и своеобразие шолоховского Семинария.

Рассматривая свою работу как первую попытку подведения итогов и определения задач изучения творчества Шолохова, авторы Семинария пытались достичь возможно большей обстоятельности и полноты изложения материала во всех разделах книги.

Семинарий состоит из пяти разделов. В первом разделе («История изучения жизни и творчества М. Шолохова») прослеживается история научно-критического изучения произведений писателя. Здесь же формулируются основные задачи, стоящие перед исследователями жизни и творчества Шолохова.

Второй раздел («Жизнь и творчество М. Шолохова») представляет собой хронологическую канву жизни и творческой работы писателя.

Третий раздел («Темы для самостоятельных работ с основной библиографией и аннотациями») открывается перечнем общих пособий по спецсеминару.

В предлагаемой тематике самостоятельных работ авторы Семинария стремились охватить основные проблемы шолоховского творчества, вопросы мастерства писателя, его связи с русской классической, советской и зарубежной литературой, с советским театром и киноискусством. В аннотации темы раскрываются не только ее содержание и возможная структура, но и формулируются ее узловые проблемы.

Темы самостоятельных работ даны в Семинарии с учетом того, чтобы руководитель и его участники имели возможность творчески подходить к изучению писателя, варьировать темы, выдвигать новые, выделять из общих тем частные для специального изучения. Так, например, в разных аспектах возможно рассмотрение раннего творчества Шолохова (особенности мастерства молодого писателя, связи его рассказов с «Тихим Доном» и «Поднятой целиной»). Предметом специального изучения могут быть отдельные вопросы творческой истории романов Шолохова (исторические источники и характер их использования в «Тихом Доне», прототипы героев романов, история редакций «Тихого Дона» и «Поднятой целины» и др.). Могут быть предложены и такие темы: «Казачья песня и ее роль в «Тихом Доне»», «Пословицы и поговорки в творчестве М. Шолохова», «Образы сельских коммунистов в романе «Поднятая целина»», «Шолохов и Чехов» и др.

Каждая тема, выдвигаемая для изучения, сопровождается аннотированной библиографией, составляющей так называемую литературу вопроса. Краткость или развернутость этого списка зависит от разработанности темы. В силу недостаточной изученности отдельных проблем шолоховского творчества, указанная к теме литература не всегда исчерпывает вопросы, выдвигаемые для изучения. Иногда в ряде тем сведения о некоторых статьях и книгах, посвященных изучению нескольких проблем и произведений писателя, повторяются, но характер аннотаций меняется. В ней указывается прежде всего на круг вопросов, важных для данной темы. Библиография к теме дается в хронологическом порядке, за исключением высказываний писателя о своем творчестве и общеметодологических работ, вынесенных в начало списка.

Указанная в библиографии литература предназначена для самостоятельной научной работы участников семинара. В списки литературы вошли только работы, представляющие определенный интерес для исследователя в связи с избранной им темой. Однако эти статьи не лишены порою методологических ошибок, некоторые их положения требуют серьезного критического пересмотра. Задача руководителя семинара — воспитать у студентов критическое отношение к изучаемой литературе, помочь им в правильной оценке ее достоинств и недостатков, а в связи с этим и в постановке конкретных задач исследования.

Четвертый и пятый разделы книги («Издание произведений М. Шолохова», «Библиографические материалы о М. Шолохове») носят справочный характер.

Семинарий снабжен указателем имен, алфавитным списком произведений Шолохова и перечнем авторефераторов кандидатских диссертаций по творчеству писателя. Учет литературы в библиографических записях доведен до 1 октября 1960 г., более поздние данные не претендуют на полноту.

Раздел первый

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. ШОЛОХОВА

19 сентября 1923 года читатели «Юношеской правды» прочли на страницах своей газеты небольшой фельетон «Испытание», под которым стояла подпись: «М. Шолох». Это было первое выступление в печати Михаила Шолохова, тогда никому не известного восемнадцатилетнего юноши, приехавшего в Москву со скромным намерением поступить на рабфак и впервые ощущившего «настоящую тягу к литературной работе», а теперь — великого русского писателя, классика литературы социалистического реализма, создателя всемирно известных романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина».

В дни, когда Шолохов начал работу над «Тихим Доном», в ростовском журнале «На подъеме» выступил с первым рассказом телеграфист из Синявки Георгий Шолохов. Между однофамильцами, рассказывают, была договоренность: одному выступать в печати под именем Шолохова-Синявского, другому — Шолохова-Вешенского. Однако жизнь не потребовала такой точности. Имя автора романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина» стало широко известно миллионам людей всего мира. Творчество Шолохова неразрывно связано с историей советской литературы, с утверждением метода социалистического реализма.

Шолохов внес в советскую литературу вклад, еще в полную меру не изученный. Вслед за своим учителем Горьким, вслед за Маяковским и другими мастерами слова Шолохов завоевывал советской литературе всемирную славу и признание миллионов читателей. Алексей Толстой справедливо считал, что если автор «Войны и мира» завершал целую галерею великих русских писателей XIX века, то «Шолохов, быть может, начинает новую народную прозу, скрепляя ее со старшими богатырями».

Со дня первого выступления Шолохова в печати прошло около сорока лет. Сравнивая фельетоны и донские рассказы

Шолохова с его романами, убеждаешься в том, что творческий путь писателя в литературе был поистине стремительным. С годами талант Шолохова окреп и засверкал. Его книги ожидались с большим интересом, прочитанное запоминалось на всю жизнь.

События Великой Октябрьской социалистической революции, борьба партии и народа за победу социализма определили драматическое содержание и эпический размах произведений Шолохова, подлинную народность и философскую глубину их. С горьковской любовью раскрыл писатель-гуманист богатый душевный мир народа, его чистый моральный облик, неиссякаемую одаренность, постоянное стремление к свету и правде.

Называя Шолохова великим советским писателем, талантливым и правдивым летописцем нашей эпохи, Н. С. Хрущев подчеркивает, что партия и весь народ ценят его как «выдающегося художника слова, посвятившего свой могучий талант служению великому делу построения коммунизма»¹. Н. С. Хрущев указывает на основные особенности творческого облика Шолохова: партийность и народность, гуманизм творчества писателя, помогающего людям правильно понять историческое значение титанических подвигов, совершенных нашим народом под руководством партии. Талантливо и правдиво рассказывая о том, в какой героической борьбе родился и утвердился самый человечный общественный строй — строй социализма, Шолохов несет всему миру правду о Советской стране. По словам Н. С. Хрущева, «органическая партийность творчества Шолохова и постоянная связь с жизнью своего народа определяют великую силу его произведений».

Произведения Шолохова объединены глубоким внутренним смыслом. Это, собственно, одна книга о судьбах народа на разных этапах его революционного пути. Началом этой книги были «Донские рассказы», следующим звеном — «Тихий Дон», эпическое полотно о путях народа к советской власти, продолжением — «Поднятая целина», роман о дальнейшем росте народного сознания, о единстве народа и партии в борьбе за новую, социалистическую жизнь. Шолохов реалистически, с присущим ему мастерством раскрыл характеры, ситуации и конфликты, типичные для нашего времени. Вот почему он прочно вошел в жизнь современников, вот почему он стал великим писателем нашего времени, писателем социалистической эпохи.

1923—1932

Критика всегда проявляла пристальное внимание к творчеству Шолохова. Ему не пришлось познать молчания критики. Отзыв о первом рассказе Шолохова появился 15 марта 1924 г. в «Почтовом ящике» газеты «Молодой ленинец» еще до опубли-

¹ Н. С. Хрущев. Воля народов всех стран — обеспечить мир во всем мире. М., Госполитиздат, 1959, стр. 9.

кования самого рассказа. Автор этого отзыва Александр Жаров писал Шолохову: «Твой рассказ написан сочным, образным языком. Тема его очень благодарна, но — это еще не рассказ, а только очерк. Не спеши, поработай над ним, очень стоит. Введи в него больше действия, больше живых людей и не слишком перегружай образами: надо их уравновесить, чтобы один образ не заслонял другой, а ярче выделялся на фоне другого. Работай терпеливее, упорней»¹.

Самый факт появления развернутого отзыва о рассказе Шолохова на страницах газеты говорит о том, что рассказ обратил на себя внимание редакции не только темой, но и «сочным, образным языком», который отмечал впоследствии в ранних произведениях Шолохова и А. Серафимович.

Когда первая попытка напечатать рассказ потерпела неудачу, Шолохов настойчиво и терпеливо продолжил работу и в конце 1924 года на страницах этой же молодежной газеты опубликовал рассказ «Родинка». Им он и открыл позже сборник «Донских рассказов». Вскоре увидела свет повесть «Путь-дороженька». Имя Шолохова стало все чаще появляться на страницах молодежных газет и журналов. Так началась литературная работа писателя, избравшего главной темой своего творчества жизнь народа, его пути в революции и гражданской войне, в первые годы советской власти и на последующих этапах строительства социализма.

Советская литература в те годы, когда в нее вступал Шолохов, складывалась в острой борьбе с буржуазными влияниями, с различного рода декадентско-эстетическими литературными группировками.

Победно завершив гражданскую войну, советский народ под руководством Коммунистической партии приступил к восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Переход на рельсы мирного социалистического строительства происходил в обстановке обостренной классовой борьбы, решающих схваток социалистической системы с капиталистической.

В связи с введением новой экономической политики возродилась бульварная литература. В сложной экономической и политической обстановке этих лет одной из важнейших задач являлось укрепление пролетарской диктатуры в стране, борьба за руководящее положение на важнейших участках идеологического фронта. В решении XI съезда РКП(б) отмечалось: «Съезд признает чрезвычайно необходимым создание литературы для рабоче-крестьянской молодежи, которая могла бы быть противопоставлена влиянию на юношество со стороны нарождающейся бульварной литературы и содействовать коммунистическому воспитанию юношеских масс»².

¹ Молодой ленинец, 1924, 15 марта, № 21, стр. 4.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, изд. 7.-М., Госполитиздат, 1953, стр. 645.

Этой задаче вполне отвечало раннее творчество Михаила Шолохова. Советская литература к 1923 году уже «выросла в крупную общественную силу»¹. После окончания гражданской войны в нее влился большой отряд молодых писателей, воспитанных революцией. Многие из них, подобно Шолохову, пришли в литературу прямо с фронтов гражданской войны.

Шолохов обратился к изображению революционных событий в стране вслед за Серафимовичем и Фурмановым. С их стороны он и получил высокую оценку и признание. В одном из набросков к неоконченному роману «Писатели» Д. Фурманов оставил следующую запись: «Слабый рассказ Минаева был принят из целей тактических... Хороший рассказ Шолохова из гражданской войны был отвергнут («Нам этот материал надоел!»)».

Можно полагать, что рассказы Шолохова о гражданской войне встретили одобрение Фурманова прежде всего потому, что они были близки его идеяным позициям, потому, что им была чужда идеализация стихийного начала в революционном движении. За жизненную правдивость ценил «Донские рассказы» и автор «Железного потока» А. Серафимович. Он восторженно приветствовал приход в литературу нового писателя.

«Как степной цветок, живым пятном встают рассказы т. Шолохова, — писал Серафимович в предисловии к сборнику «Донских рассказов». — Просто, ярко, и рассказываемое чувствуешь — перед глазами стоит. Образный язык, тот цветной язык, которым говорит казачество. Сжато, и эта сжатость полна жизни, напряжения и правды»².

А. Серафимович впервые указал на особенности творческой манеры, на огромное знание жизни Шолоховым. Он высоко оценил художественное достоинство его рассказов, отметил простоту, яркость, динамичность их, образность языка. Старейший писатель увидел в «Донских рассказах» чувство меры в «острых моментах», «тонкий схватывающий глаз», «умение выбрать из многих признаков наихарактернейшее».

Говоря о «новой, свежей поросли комсомольской литературы», А. Жаров на первое место выдвигает М. Шолохова, рассказы которого выделялись на страницах журнала «Комсомолия»³.

Еще до выхода в свет сборника «Донских рассказов» хорошо были встречены критикой отдельные рассказы Шолохова. Положительно оцениваются «Нахаленок»⁴, «Красногвардейцы»⁵,

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7-е. Госполитиздат, 1953, стр. 736.

² А. Серафимович. Предисловие.— В кн.: М. Шолохов. Донские рассказы. М., «Новая Москва», 1926, стр. 3.

³ А. Жаров. Один год «Комсомолии».— Комсомолия, 1926, № 4, стр. 4.

⁴ Известия, 1925, 6 декабря, № 279, стр. 5.

⁵ Книгу в массы, 1925, № 4; Книжная полка, 1925, № 8, стр. 22; Школа и жизнь, 1926, № 8—9, стр. 90; Деревенский коммунист, 1926, № 7, стр. 39—40 и др.

«Пастух»¹; появляются первые читательские отзывы. Читатель А. Богохвалов писал в «Крестьянской газете»: «И мне, и слушателям, которым я читал книгу тов. Шолохова «Красногвардейцы», изданную Госиздатом, книга очень понравилась. В ней описывается борьба красногвардейцев с белогвардейцами у тихого Дона. Эта книга приносит пользу всему нашему СССР, так как в ней верно раскрывается вся гнусная работа белых банд»².

В первых беглых рецензиях на рассказы Шолохова много чисто вкусовых, бездоказательных оценок. А. Ревякин, например, считал, что конфликт рассказа «Двухмужия», основанный на «сложном бытовом узле», раскрывается писателем грубо. Если образ Анны кажется рецензенту вполне правдивым, то противопоставление характеров Александра и Арсения, по мнению А. Ревякина, «уводит нас от бытовой и художественной правды»³.

Подобной бездоказательностью грешат и другие рецензии на рассказы Шолохова. Рецензенты ограничиваются беглым пересказом содержания, рекомендацией рассказа читателю, но отказываются от серьезного идеально-художественного анализа произведения.

Крупные журналы заметили Шолохова только после выхода в свет сборника «Донские рассказы». Критик журнала «Новый мир» справедливо утверждал, что эта книга Шолохова «займет далеко не последнее место в литературе, посвященной воспроизведению эпохи гражданской войны»⁴. Рецензенты отмечают колоритность и выразительность речи персонажей шолоховских рассказов, их образный, сочный язык, яркую лепку характеров, хорошее знание станицы и ее быта⁵. Высоко оценивал «красочные, живые» «Донские рассказы» рапповский журнал «На литературном посту», выделявший Шолохова из среды молодых, растущих писателей⁶. Вместе с тем одни рецензенты тут же заявляли, что «богатые языковые качества растворяются сюжетной бесцветностью», что Шолохов якобы повторяет традиционный «бродячий сюжет» «битвы отца с сыном» и ничего нового в его разработку не вносит; другие, наоборот, отмечали сюжетную яркость рассказов, но тут же разбивали это утверждение бездоказательными оценками (от рассказа «Алешкино сердце» «веет сентиментальностью», от «наброска» «Председатель Реввоенсовета республики» «веет подделкой», в рассказе «Родинка», оказывается, «неожиданно сентиментален финал» и т. п.).

Была сделана попытка безосновательно рассматривать некоторые рассказы Шолохова как слепое следование Бабелю

¹ М. Беккер. Крестьянский литературный молодняк.— Журнал крестьянской молодежи, 1926, № 1, стр. 15.

² Крестьянская газета, 1926, 7 июня, № 23, стр. 7.

³ Книгоноша, 1926, № 6 (13 февраля), стр. 4.

⁴ Новый мир, 1926, № 5, стр. 187.

⁵ Книгоноша, 1926, № 12 (31 марта), стр. 12.

⁶ На литературном посту, 1926, № 4 (май), стр. 56.

(«Книгоноша», 1926, № 12, стр. 12). На «ученической подражательности» особенно настаивал рецензент «Комсомолии»¹, постоянным сотрудником которой был автор «Донских рассказов».

В рецензиях на второй сборник Шолохова «Лазоревая степь» (1926) устанавливалась тематическая связь шолоховских рассказов, делалась попытка проследить творческий рост молодого писателя. «Лазоревая степь» не является показателем роста Шолохова как художника, — отмечал один рецензент. — С этой стороны он вполне выявляется сразу и как-то неожиданно в «Донских рассказах». Но работа над композицией вещи, над ее более тщательной обработкой, над языком в этом сборнике заметна². Рецензент делает вывод: «Рассказы Шолохова сочные, красочные, в них много жизни, жизни, подчас омытой кровью борьбы. Шолохов безусловно вырастет в крупную писательскую величину».

Рецензии на ранние рассказы Шолохова — свидетельство большого интереса общественности к творчеству молодого писателя. Но сейчас они представляют интерес лишь в историко-литературном отношении как первая попытка оценить приход Шолохова в литературу.

* * *

В январе 1928 года на страницах журнала «Октябрь» началась, а в апреле уже завершилась публикация первой книги романа М. Шолохова «Тихий Дон». К концу этого года закончилось и печатание второй книги. Издательство «Московский рабочий» широко рекламирует роман Шолохова, объявляет о выходе «Тихого Дона» в очередных выпусках «Роман-газеты» и отдельных изданиях. «Рекомендательный бюллетень библиографического отдела Главполитпросвета» предлагает читателям только что вышедшую в издании «Московского рабочего» первую книгу романа.

В журнальных обзорах уже в феврале 1928 года отмечался «очень значительный и интересный роман Мих. Шолохова «Тихий Дон»³. Даже журнал «На литературном посту», руководители которого впоследствии немало «потрудились» над тем, чтобы дискредитировать роман и его автора, вынужден был признать, что «Тихий Дон» «является одним из лучших произведений нынешнего журнального сезона»⁴.

1 октября в Москве открылся пленум РАППа с общим докладом А. Фадеева. На повестке дня пленума стоял содоклад В. Ермилова «О «Тихом Доне». Отмечая автобиографичность романа, В. Ермилов приходил к выводу, что Шолохов якобы «смотрит

¹ Комсомолия, 1926, № 1, стр. 78.

² Книга и профсоюзы, 1927, № 3—4, стр. 66.

³ На литературном посту, 1928, № 4 (февраль), стр. 85.

⁴ На литературном посту, 1928, № 6 (март), стр. 74.

глазами Мелехова — человека, постепенно идущего к большевизму»¹.

В рецензии на первую книгу романа А. Дубовиков также предполагал, что Шолохов проведет своих героев через революцию и гражданскую войну. Подобно В. Ермилову, он «догадывался», что Григорий встретит революцию в качестве ее активного участника: «Перерождение Григория Мелехова очень тщательно мотивировано и представляется вполне естественным»².

Рецензент ростовского журнала «На подъеме» писал о «Тихом Доне»: «Этот роман — целое событие в литературе: отзывы о нем не сходят со страниц журналов и газет в течение вот уже нескольких месяцев. Причем все отзывы благоприятные, на редкость единодушные. Роман в самом деле хороший, что называется выдающийся.

...Он <Шолохов> пришел в литературу сразу и сразу же дал монументальную вещь. Совершенно очевидно, Шолохов — большой художник»³.

Действительно, отзывы о романе буквально не сходили со страниц журналов и газет. Они появлялись не только в столичных газетах («Правда», «Комсомольская правда», «Красная звезда», «Читатель и писатель» и др.) и журналах («Новый мир», «Красная новь», «Молодая гвардия», «Звезда», «Октябрь», «На литературном посту» и др.), но и в областной печати, главным образом в ростовской («Молот», «На подъеме» и др.). Высоко оценивают роман Шолохова и читатели. «В издательстве «Московский рабочий», — писал в те дни Ф. Панферов, — имеются десятки тысяч голосов, поданных за «Тихий Дон». А «Тихий Дон» являлся основной вещью «Октября»⁴.

Особого внимания заслуживает рецензия А. Серафимовича на страницах «Правды», где он снова восторженно приветствовал молодого писателя, сравнивал его с орленком, который неожиданно размахнул крыльями, и крылья оказались широкими, орлиными. «Всего два-три года, — писал о Шолохове Серафимович, — чернел он чуть приметной точечкой на литературном просторе. Самый прозорливый не угадал бы, как уверенно вдруг развернется он»⁵.

Виднейший пролетарский писатель отмечал в своей рецензии творческий рост молодого художника, шагнувшего далеко вперед от «подававших надежды» рассказов, указывал, что Шолохов — «писатель особенный, ни на кого не похожий, — со своим собственным лицом, таящий огромные возможности».

Серафимович обратил внимание на способность Шолохова

¹ На литературном посту, 1928, № 20—21 (октябрь — ноябрь), стр. 141.

² Молодая гвардия, 1928, № 8, стр. 464.

³ На подъеме, Ростов н/Д, 1928, № 10, стр. 63—64.

⁴ На литературном посту, 1928, № 24 (декабрь).

⁵ Правда, 1928, 19 апреля, № 91, стр. 6.

наделить каждого героя индивидуальными чертами, передать его психологию, «выпукло дать человека», «сосредоточено и скрупультно обрисовать целую людскую группу, человеческий слой». Отмечая эпичность развернутого писателем повествования, Серафимович вскрывает причины подробного описания жизни и быта донского казачества, которые он справедливо видит в стремлении писателя проследить рост классового расслоения казачества «по мере того, как развертывается грандиозная эпоха».

Серафимович был первым критиком Шолохова, правильно вскрывшим его замыслы, основные черты дарования. Он указал на гуманизм и оптимизм шолоховского творчества. Серафимович сравнивал Шолохова «с очень крупными писателями», видел в нем преемника лучших традиций великой русской литературы. И вместе с тем, обращая внимание на «яркий, своеобразный, играющий всеми цветами языка» романа, «подлинный, живой язык степного народа», Серафимович противопоставлял Шолохова «комнатным скучным словотворцам».

Серафимович поставил задачи перед молодым писателем, указал и пути дальнейшего роста, и то, что этот рост возможен лишь в том случае, если Шолохов будет постоянно впитывать в себя «великое учение коммунизма», сумеет проникнуться им и подходить к описанию действительности с позиций борьбы рабочего класса за достижение поставленных целей. Серафимович снова высказывал уверенность, что Шолохов «развернет... все заложенные в нем силы».

Рецензия Серафимовича была не только его личной оценкой «Тихого Дона», но и выражением позиций партийной печати, высоко оценившей новое явление в литературе и наметившей пути творческого роста талантливого художника.

Новое произведение Шолохова высоко оценил вскоре и основоположник советской литературы М. Горький. Внимательно следя за развитием литературы в стране, отмечая каждый ее успех, он искренне радовался росту молодых талантов. В одном из писем (от 31 декабря 1928 года) Горький так оценивал Шолохова: «Шолохов, судя по первому тому, — талантлив... Каждый год выдвигает все более талантливых людей. Вот — это радость. Очень, анафемски талантлива Русь»¹.

Однако не все отзывы были так благоприятны и единодушны. То, что Шолохов пришел в литературу, сразу вливвшись в ряды пролетарских писателей, далеко не всем было по душе.

Рапповская критика пыталась всячески охладить восторги читателей и дискредитировать «Тихий Дон» в их глазах прежде всего в идейном, а затем и в художественном отношении. Чуждые советской литературе элементы, проникшие к руководству РАПП'ом, начали бешеную травлю беспартийных писателей и так называемых «люпутчиков». Дубинка рапповцев обрушива-

¹ Новый мир, 1937, № 6, стр. 19.

лась на тех, кто не принадлежал к их замкнутой, кастовой группировке.

Особенно решительный удар рапповцы наносили по крупнейшим мастерам художественного слова. Проявляя явно повышенный интерес к «Тихому Дону», раппovская критика «глубоко-мысленно» заявляла о том, что Шолохову «не удалось показать во всей широте ортодоксальной и реакционной казацкой массы», настойчиво навязывала читателю мнение о том, что Шолохов «любуется этой кулацкой сытостью, зажиточностью». Один из рапповских критиков решился даже высказать сомнительный прогноз относительно возможного звучания всего произведения: дескать, легко может случиться, что «роман в целом примет ложное идеологическое направление»¹.

«Ценительница» «Тихого Дона» из газеты «Читатель и писатель» отмечала «нестройную рыхлость архитектуры» (?), «слишком медленное, иногда даже вялое» «течение романа», «бесцветность и сухость» описания войны и т. д. и т. п.². Редакция газеты «Читатель и писатель» не удовлетворилась подобными замечаниями и через месяц на своих страницах «сравняла с землей» новое произведение молодого писателя. Объявив автора «Тихого Дона» эпигоном Л. Толстого, критик на страницах этой газеты договорился до того, что у Шолохова якобы «военные эпизоды, оценка войны, философия войны взяты на прокат у Л. Толстого», что Шолохов «не овладел материалом» и не может «развернуть сюжет», что у него «шаблонный язык» и т. д. и т. п.³.

Если А. Серафимович видел в авторе «Тихого Дона» продолжателя лучших традиций русской литературы и одновременно указывал на своеобразие Шолохова как художника, то раппovская критика силилась доказать, что автор «Тихого Дона» — всего лишь писатель-эпигон, лишенный своего творческого лица. В рецензиях указывалось не только на рабское подражание Л. Толстому в батальных картинах, но даже на толстовское понимание войны. В шолоховских пейзажах критики видели следы влияния И. Бунина, в этнографической точности изображения быта — Мельникова-Печерского, в показе офицерской среды — А. Куприна. Указывалось и на влияние Достоевского.

Не все критики, правда, склонны были представлять Шолохова эпигоном Л. Толстого. Отмечая композиционные связи «Войны и мира» и «Тихого Дона», некоторые критики подчеркивали, что молодой художник, следя за Л. Толстым, остается в то же время самим собою.

Горький и Серафимович, отмечая самобытность таланта

¹ Звезда, 1928, № 8, стр. 162—163.

² Читатель и писатель, 1928, 4 августа, № 31, стр. 4.

³ Читатель и писатель, 1928, 22 сентября, № 38, стр. 3.

Шолохова, были далеко не одинокими в этой оценке дарования автора «Тихого Дона». В 1928 году некоторые критики характеризовали Шолохова как «зоркого реалиста», мастерски рисующего массовые сцены, картины повседневного труда народа, его психологию¹.

Преодолевая скептицизм в отношении к молодому автору «Тихого Дона», критики в его спокойной «эпической манере повествования» стали обнаруживать «пульс подлинно драматического напряжения» и указывали на контраст названия романа его содержанию².

В то же время критики из декадентского журнала «Жизнь искусства» (И. Оксенов), пожалуй, еще ранее рапповских критиков, заговорили о бытовизме, физиологизме, эротизме как основных якобы особенностях «Тихого Дона», о том, что «социальные характеристики героев... местами теряют свою отчетливость — именно под грузом физиологических мотивов»³.

Считая, что интерес к «Тихому Дону» держится в значительной мере на его «местном колорите», критика 1928 года склонна была видеть в авторе «Тихого Дона» лишь «жанриста-областника», недовольна была тем, что «Шолохов-историк всячески урезывает художника-бытовика и психолога»⁴, и даже склонна была восхищаться и преувеличивать сочность изображения «свообразно дикарской среды казачества с ее чертами дикой воли, грубой стихийности, «скифства»»⁵.

В 1928 году развертывается серьезная, ставшая вскоре напряженной, дискуссия вокруг «Тихого Дона» Шолохова. С выходом в свет второй книги возобновляются суждения о романе, борьба в литературной критике обостряется.

Итоги 1928 года свидетельствовали о заметном движении советской литературы вперед. В тематических рецензиях и обзорах особенно подчеркивались успехи советской прозы. В статье «Литературный год»⁶ А. В. Луначарский, высоко оценивая «Бруски» Ф. Панферова, «Лесозавод» А. Караваевой, «Преступление Мартина» В. Бахметьева и другие произведения, выделяет «еще не законченный роман Шолохова «Тихий Дон» — произведение исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы». «Это произведение, — заявляет Луначарский, — напоминает лучшие явления русской литературы всех времен».

Отмечая, что Шолохов выступает в «Тихом Доне» продолжателем лучших традиций русской литературы, Луначарский рассматривает роман «как ценный вклад в литературу о мас-

¹ Книга и профсоюзы, 1928, № 9, стр. 34—35.

² Ленинградская правда, 1928, 23 сентября, № 222, стр. 3.

³ Жизнь искусства, 1928, № 51 (16 декабря), стр. 3.

⁴ Красная газета, веч. вып., Л., 1928, 29 декабря, № 356, стр. 4.

⁵ Книга и профсоюзы, 1928, № 5—6, стр. 35.

⁶ Красная панорама. Л., 1929, 4 января, № 1, стр. 5—6.

сах». Выдающийся критик-большевик указывает на эпичность шолоховского романа, обращает внимание на характерную особенность советской литературы, проявившуюся в «Тихом Доне», — стремление проследить судьбы народа.

«Интересно, как дальше поведет свое повествование Шолохов, — пишет Луначарский. — До сих пор перед нами, так сказать, только звериный Дон со всеми яркими особенностями его быта, с необычайно богатой, богатырской, неуемной его кровью. Но Шолохов оставляет своего героя в момент внутреннего перерождения, в момент перехода к широким революционным мыслям и чувствам, зародившимся в нем в результате войны и соприкосновения с передовыми солдатами армии».

Обращая внимание на характер Григория Мелехова, Луначарский видит и в этом образе выражение общей идеи произведения, стремление писателя проследить сдвиги, которые происходят в сознании казачества под влиянием больших событий. Но, в отличие от В. Ермилова, заявлявшего о неизбежности прихода Григория Мелехова к большевикам и не понимавшего остроты классовой борьбы в казачестве, изображенном Шолоховым, Луначарский не ограничивается приведенными выше словами о Григории, а предполагает, что Шолохов должен показать в последующих книгах остроту классовой борьбы, что «тихий Дон» на самом деле не тихий, а кипящий и бурный, бесконечно богатый человеческими силами...»

25 июля 1929 года М. Горький опубликовал статью «Рабочий класс должен воспитать своих мастеров культуры», в которой писал: «Фадеев, Шолохов и подобные им таланты пока еще — единицы. Но, как мы видим, рабочий класс совершенно правильно оценил их достоинства художников слова»¹.

Роман «Тихий Дон» утверждал за Шолоховым одно из первых мест в советской литературе. И Горький подчеркивает это. Он говорит, что правильная оценка «Тихого Дона» и Шолохова как художника слова идет от рабочих, народа. Нельзя не заметить в этом утверждении полемического характера, так как именно в это время, признавая, что сверх их ожидания роман Шолохова «читают с увлечением», рапповские критики категорически заявляли, что Шолохов — «не художник пролетариата»².

Рапповцы упрекали его в «расплывчатой идейной установке»³, цинично называли «Тихий Дон» «эпопеей под вопросом»⁴. Мало того, рапповская критика в это время начала обвинять Шолохова в том, что он чужд пролетарской литературе, что он «колеб-

¹ М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 25. М., Гослитиздат, 1953, стр. 44.

² Красная новь, 1929, № 8, стр. 219.

³ Звезда, 1929, № 8, стр. 189.

⁴ На подъеме, Ростов н/Д, 1929, № 1, стр. 89.

лющийся середняк», проводник... «кулацкой идеологии» в литературе и т. д.

Особенно усердствовали и изощрялись в нападках на Шолохова ленинградские критики из журнала «Звезда». Даже в полугодовом журнальном обзоре (в связи с оценкой глав из третьей книги романа) декларативно утверждалось, что «продолжение «Тихого Дона» свидетельствует о все более увеличивающихся для автора трудностях по мере того, как он подходит к окончанию своей эпопеи»¹.

С рапповской критикой смыкались и критики из «Перевала». Вынужденные относить «Тихий Дон» по своим художественным достоинствам к числу лучших произведений литературного года, перевальцы также объявили Шолохова эпигоном Л. Толстого: выискивали совпадения и сходства в батальных картинах, механически проводили сомнительные параллели между Аксиньей и Анной Карениной (Аксинья «гордо и высоко несет свою счастливую, но срамную голову» — Анна опускает «свою когда-то гордую, веселую, теперь же постыдную голову»), Степаном Астаховым и Карениным (торчащие хрящеватые уши у того и другого).

Проповедуя отрыв литературы от жизни, перевальцы недвусмысленно внушали читателю, что «художественная удача суждена Шолохову тогда, когда он показывает устоявшийся быт вчерашнего дня, а не текущую действительность сегодняшнего»².

Перевальцам вторили критики из «Жизни искусства». Б. Вальбе, оценивая только что вышедшую в свет вторую книгу «Тихого Дона», с сожалением замечает, что Шолохов начинает пренебрегать «своим» колоритом, который отличал первые страницы романа, что, описывая фронтовые события, писатель плохо «вжился» в сложный их комплекс, лишился «привычной творческой базы бытового жанра, рассыпался среди вороха газетной хроники»³. Мало того, критик «Жизни искусства» заговорил о некоем «мелеховском гамлетизме», который якобы «усиливается по мере того, как шолоховские полотна начинают пестреть событиями революции и пооктябрьских боев».

Странная позиция была занята и редакцией «Журнала для всех» (В. Бахметьев, Ф. Гладков, Н. Ляшко), поместившей на своих страницах журнальный обзор, в котором шла речь о первой книге журнала «Октябрь» за 1929 год, где печатались главы шестой части «Тихого Дона». «Журналу для всех» не по душе пришли успехи эпической традиции в нашей литературе. Редакция журнала была явно недовольна «урожаем на романы», как она выражалась: «Успех первых частей «Тихого

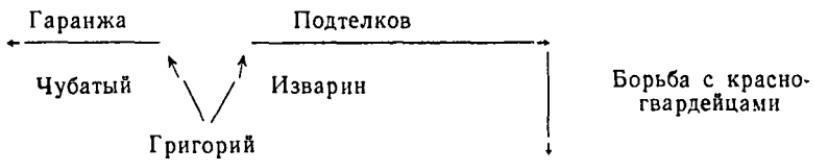
¹ Звезда, 1929, № 8, стр. 224.

² Печать и революция, 1929, № 2—3, стр. 91.

³ Жизнь искусства. Л., 1929, № 14 (1 апреля), стр. 3.

Дона», по-видимому, окрылил молодого писателя на многотомную затею в духе Дюма-отца. Кстати сказать, этим недугом романистов поражен не только Шолохов... Шестая часть романа «Тихий Дон» свидетельствует, что развертывать хотя бы самую удачную тему в трилогию — занятие не всегда для качества веши безнаказанное: М. Шолохов повторяет себя, разменивается порою на бледные, почти фельетонного характера, страницы и, в общем, угрожает читателю тем, что никогда не прощает самый незвездочный из них, — скучой¹.

Не прошла мимо Шолохова и формалистическая критика. В. Шкловский, например, не замедлил зачислить автора «Тихого Дона» в свою формалистическую категорию писателей «почвенников». Е. Ф. Никитина, опираясь на работы формалистов, применяя при рассмотрении творчества Шолохова их «методологию» отыскания «конструктивных факторов», сдабривала все это грубым социологизмом. Рассматривая Григория Мелехова как представителя зажиточного казачества, идущего «к новой правде, принесенной Октябрьской революцией»², наивно пересказывая этапы его извилистого пути, Е. Ф. Никитина делала соответствующий своей «методологии» вывод: «Отсутствие ясного классового самосознания заставляет Григория попреременно выслушивать мнение Чубатого, Гаранжи, Изварина, Подтелкова и уйти от последнего в ряды по борьбе с красногвардейцами. В результате получается такая схема поисков настоящего пути у Григория:

На чертеже — своего рода птица с развернутыми крыльями, каждая половина которой уравновешена взаимно противоположными элементами. Борьба Григория с красногвардейскими отрядами наклоняет эту конструкцию в правую сторону. Разрешение этой тематической проблемы и должен будет дать автор в третьей книге своего романа. Справится ли он с этой трудной задачей? Сможет ли он мотивировать движение героя влево, к тем же подтелковским идеалам? Это покажет будущее» (стр. 62).

В чем только не обвинялся Шолохов в этой бездоказательной, формалистско-дилетантской статье! В ней Е. Ф. Никитина твердила и о «формальной отсталости» Шолохова, и о его тяготении «к стилистическим образцам дворянской литературы»,

¹ Журнал для всех, 1924, № 4, кол. 118.

² Е. Ф. Никитина. Михаил Шолохов. — В ее книге: Беллетристы-современники. Статьи и исследования, вып. IV. М., «Никитинские субботники», 1931, стр. 57.

и о зависимости «от старых литературных традиций», и о механическом перенесении в «Тихий Дон» приемов Льва Толстого, и о том, что роман получился «в общем сырой». Критика поучала Шолохова, что о революции и о строительстве нового быта нельзя писать «дореволюционным языком», и очень огорчалась по поводу того, что в «Тихом Доне» трудно найти «социологическую окраску» пейзажей.

Но удивительнее всего то, как Е. Ф. Никитина трактует идейный смысл «Тихого Дона». Ей кажется, что она понимает «общую концепцию романа» и даже видит «направление, в котором автор решает поставленную им проблему» (стр. 48). Никитина на этот раз солидаризируется с В. Перцовым, утверждавшим следующее: ««Тихий Дон» — это традиционный «любовный» роман, и потому он имеет успех у известной массы читателей!». Но Е. Никитина решает пойти дальше В. Перцова, доказывая, что главная проблема романа — «проблема пола». Она считает, что «если фабула первой книги романа строится на любви, на сексуальных взаимоотношениях героев» (стр. 51), то «во втором томе романа уже дана попытка разрешения половой проблемы в условиях новых социальных отношений» (стр. 55). Поистине, комментарии здесь излишни!

Критики различных группировок продолжали упрекать Шолохова в пристрастии к бытовизму, но тут же объявляли всесторонний показ быта основной творческой задачей писателя, пытались ограничить значение романа «сочной экзотикой местного материала». Выдавая эти суждения за мнение читателей, один из рапповских рецензентов заявлял, что интерес читателей к первой книге «Тихого Дона» только будто бы и поддерживался «красочной этнографией». Поэтому, когда была опубликована вторая книга романа, в которой Шолохов перешел к широкому показу революционного движения в центре страны и на Дону, критики из РАППа недовольно заговорили об исчезновении поэзии, обусловленной новизной темы первой книги. Те, кого не удовлетворяло изображение Шолоховым судеб народа в революции, бездоказательно утверждали, что вторая книга по своим формальным достоинствам уступает первой, не хотели понимать, что новая книга романа, несмотря на отдельные неудачи (в рецензиях 1929 года уже отмечались частные, впоследствии устранные автором недостатки в изображении Подтеплкова, Бунчука, Анны Погудко), является серьезным этапом на пути овладения писателем высотами социалистического искусства, серьезным показателем идейно-творческого роста Шолохова.

Автора «Тихого Дона» продолжали обвинять в том, что на его творчество «влияют кулацкие настроения», что первая книга

¹ В. Перцов. Литература завтрашнего дня. М., «Федерация», 1929, стр. 170.

романа «проникнута эмоциями безмятежного слияния с природой и великого счастья полурастительного существования трудового собственника», что Шолохов поэтизирует старый «тихий Дон», «естественного мужика»¹ и т. д.

Такого рода нападки, а большей частью умышленно клеветнические утверждения, вылились в конце концов в провокационную дискуссию. Именно такой характер носила организованная СКАПП'ом² в конце 1930 года дискуссия о «Тихом Доне». Клеветнические измышления докладчика редакция журнала «На подъеме» напечатала на своих страницах, фарисейски, для страховки оговорив свое несогласие с основными «непродуманными» положениями докладчика, допустившего якобы только ошибку «левацкого типа».

На самом деле журнал сознательно порочил советского писателя, обвиняя автора «Тихого Дона» в «реакционной романтике»! Один из членов редколлегии «На подъеме», впоследствии участник многочисленных рапповских вылазок, направленных на отрыв литературы от партии, уже после ростовской дискуссии называл автора «Тихого Дона» «мелкобуржуазным интеллигентом-лопутчиком».

Мало того, рапповские «вожди» состряпали чудовищное обвинение Шолохова в плагиате! Завистники и недоброжелатели из литературных кругов, придумывая различные клеветнические версии, всячески раздували темные слухи, травили талантливого молодого писателя, мешали ему работать.

«Горячая у меня пора сейчас,— писал Шолохов Серафимовичу,— кончаю третью книгу, а работе такая обстановка не способствует. У меня рука останавливается, и становится до смерти нехорошо. За какое лихо на меня в третий раз ополчаются братья-писатели? Ведь это же все идет из литературных кругов»³.

Работу над окончанием третьей книги «Тихого Дона» Шолохов продолжал в условиях непрестанных злопыхательских выпадов и грязной клеветы. Позже он с горечью писал одному из начинающих авторов:

«Если бы я взялся тебя поддерживать теми методами, какими в первые годы братья-писатели поддерживали меня, то ты бы загнулся через неделю»⁴.

В 1929 году к изучению творчества Шолохова обратилась «академическая» критика. Однако результаты ее работы были обесценены вульгарно-социологическим подходом к явлениям литературы.

¹ Л. Т. о м. Кризис или агония. — На лит. посту, 1930, № 11, стр. 44, 46.

² Северо-Кавказская ассоциация пролетарских писателей.

³ Письмо М. А. Шолохова А. С. Серафимовичу. Станица Вешенская, 1 апреля 1930 г. ЦГАЛИ, ф. 457, оп. 1, ед. хр. № 355, л. 6.

⁴ Из неопубликованного письма М. Шолохова к Г. А. Борисову (Озимому). ЦГАЛИ, ф. № 1197, ед. хр. б/№, л. 1.

«Истекший (1928) год,— писал проф. А. Цейтлин,— прошел в литературоведении «под знаком социологии»¹. Творчество Шолохова в этом отношении не было исключением. И в нем по немудрым рецептам упростителей и вульгаризаторов прежде всего отыскивался «социологический эквивалент».

В академическом «Ежегоднике литературы и искусства на 1929 год» о творчестве Шолохова идет речь и в статье И. Новица «Пролетарская литература» и в статье А. Ревякина «Крестьянская литература»; в первой — его заносят в рубрику «пролетарская литература», во второй — «крестьянско-трудовая литература».

Шолохов был тем орешком, который оказался явно не по зубам литературоведению, находившемуся тогда в пленау социологии. В силу этого оно оказалось не в состоянии вскрыть особенности сложного и своеобразного писателя, творчество которого никак не поддавалось вульгарно-социологической классификации.

А. Ревякин, например, решительно относил Григория Мелехова к числу тех, кто, преодолев мучительные сомнения и колебания, «начинает утверждать себя представителем новых форм общественной жизни»². В «Тихом Доне», как и в других крупных произведениях литературного года («Бруски» Ф. Панферова, «Лапти» П. Замойского), критик увидел «условно-реалистическое» изображение жизни, которое он «в противовес субъективно-художественному реализму дворянско-буржуазной и деревенско-буржуазной литературы» называет «диалектическим реализмом» (стр. 42).

Из тех же вульгарно-социологических позиций А. Ревякин исходит в оценке творчества Шолохова и в другой статье³.

Автор «Тихого Дона», по мнению критика, с особой тщательностью живописует среднее крестьянство, а «психологический показ представителей пролетариата» ему не удается. На этом основании А. Ревякин делает вывод: «социальное бытие, эстетическим выражением которого является творчество М. Шолохова, есть бытие трудового казачества» и не соглашается с теми, кто относит автора «Тихого Дона» к числу пролетарских писателей. «На основании анализа его творчества,— пишет А. Ревякин,— мы пришли к заключению: М. Шолохов отражает интересы трудового крестьянства, осознавшего и осознавшего единство своих путей с пролетариатом».

¹ А. Цейтлин. Методология литературоведения.— Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М., изд. Ком. академии, 1929, стр. 139. (Коммунистическая академия. Секция литературы, искусства и языка.)

² А. Ревякин. Крестьянская литература.— Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М., изд. Ком. академии, 1929, стр. 39. (Коммунистическая академия. Секция литературы, искусства и языка.)

³ А. Ревякин. Творчество Шолохова.— Русский язык в советской школе, 1929, № 2, стр. 140—146.

С А. Ревякиным и критиками, смыкавшимися с ним, polemизирует И. Нович. «Говорят, что «Тихий Дон» — «типичная крестьянская вещь», — пишет он. — В такой обще-категорической формулировке это абсолютно неверно. Рассуждающие так критики не выходят за пределы, в конечном счете, формалистского примитивизма. Крестьянские образы и отдельные элементы поэтики, разумеется, показательны, но не решают вопроса до конца»¹.

В отличие от «Журнала для всех», явно недовольного «урожаем на романы», И. Нович относил «Тихий Дон» Шолохова к наиболее значительным произведениям истекшего литературного года, справедливо утверждал, что «именно в прозе ярко сказался подъем и перелом» в советской литературе (стр. 9), начавшийся романом А. Фадеева «Разгром» (1927). На этом новом этапе ее развития «Тихому Дону», по мнению критика, принадлежит одно из первых мест. Вопросы, волнующие М. Шолохова, Ф. Панферова, Ю. Либединского, А. Караваеву, Н. Ляшко, В. Кина, М. Чумандрина, Ф. Гладкова, «не где-то в стороне, они на главных магистралях эпохи — они ее порождение». Писатели эти, по словам И. Новича, так или иначе решают «проблему перевоспитания старого «людского материала» (стр. 12). «На первом месте здесь «Тихий Дон» М. Шолохова, — продолжает И. Нович. — Шолохов сразу вырос в крупную писательскую величину. Только снобствующая критика, как случилось, например, с Вяч. Полонским, способна этак, слегка снисходительно кивнуть в сторону Шолохова: «даровитый казак» (стр. 12—13).

И. Нович высоко оценивает большой художественный талант Шолохова, отмечает плодотворность учебы автора «Тихого Дона» у Л. Толстого, эпический размах шолоховской эпопеи, оптимизм его творчества, тонкий психологизм в раскрытии характеров, владение искусством художественной детали, многообразие его писательской палитры. И. Нович видит, что Шолохов «не насилияет своего героя и не заставляет его прийти к революции раньше, чем это становится объективно возможным» (стр. 13). Однако и этот критик с излишней поспешностью выносит свой приговор. Единственным возможным и приемлемым для критика, «органически и внутренне закономерным» для Григория Мелехова объявляется его приход к пролетарской революции. «Всякий другой путь, — утверждает И. Нович, — пожалуй, окажется насильственным и отменит опубликованные части романа в их значении для пролетарской литературы» (стр. 16—17)².

¹ И. Нович. Пролетарская литература. — Ежегодник литературы и искусства на 1929 год. М., изд. Ком. академии, 1929, стр. 13.

² Многие критики конца 20-х годов смыкались в своих прогнозах о возможном finale романа. А. Ревякин, например, считал, что Григорий «приходит к идеологии пролетариата», «осознает свое место в обществе и начинает

В том же 1929 году была сделана первая попытка разобраться в основных особенностях и своеобразии шолоховского языка. В Ростовском-на-Дону обществе археологии, истории и этнографии с докладом «О языке романа М. Шолохова «Тихий Дон»» выступил проф. А. В. Миртов¹, утверждавший, что говоры донских казаков, на которые опирается Шолохов, «являются повторением великорусских говоров». Докладчик предполагал, что в районе, где живет Шолохов, «следует ожидать тамбовско-воронежско-орловских особенностей в говоре и следы украинского языка» (стр. 74). Сравнивая язык романа М. Шолохова «Тихий Дон» с языком романа Л. Пасынкова «Заповедные воды», А. В. Миртов подчеркивал мастерство Шолохова в использовании элементов народных говоров, большой вклад писателя в литературный язык, обогащение его жизнеспособными словами казачьих говоров.

Подобные попытки специального изучения отдельных вопросов, связанных с творчеством Шолохова, были чрезвычайно робкими и случайными. Правда, наряду с общей беглой критической оценкой преимущественно романа «Тихий Дон» и его отдельных, появлявшихся тогда в печати частей, высказывались и первые наблюдения о композиции этого произведения, особенностях сюжета, делались первые попытки проследить эволюцию творчества писателя, его пути от рассказов к «Тихому Дону», выяснить связи романа с предшествующим творчеством писателя².

Много черт и мотивов, роднящих рассказы Шолохова с «Тихим Доном», отмечал А. Селивановский. Входя в роман, эти мотивы, по мнению критика, совершенствовались и отшлифовывались, приобретали иное звучание, более глубокий смысл. «Первые книги рассказов Шолохова «Лазоревая степь» и «Донские рассказы», — писал А. Селивановский, — были только предварительными набросками к «Тихому Дону». Любой читатель без труда увидит, как мотивы этих рассказов развертывались и

серьезно бороться за его улучшение» («Русский язык в советской школе», 1929, № 2, стр. 144). И. Машбиц-Веров видел в Григории Мелехове тип «революционно перерождающегося казака» и считал, что «автор ведет его к коммунизму» («Новый мир», 1928, № 10, стр. 229).

Подобная точка зрения так уверенно утверждалась некоторыми любителями литературных рецептов, что привела позже многих из них к полной растерянности и неспособности понять и оценить финальные страницы романа. Но вместе с тем в стремлении некоторых критиков и особенно широких читательских кругов привести Григория Мелехова в лагерь революции сказалось искреннее, добroе желание видеть все талантливое, одаренное в «нашем стане».

¹ На подъеме, Ростов н/Дону, 1929, № 4, стр. 73—74.

² И. Машбиц-Веров. Михаил Шолохов — Новый мир, 1928, № 10, стр. 225—236; А. Селивановский. «Тихий Дон». — На лит. посту, 1929, № 10 (май), стр. 46—56; А. Павлов. Ранний Шолохов. — На лит. посту, 1929, № 24 (декабрь), стр. 55—56; А. Селивановский. Михаил Шолохов (вместо предисловия). — В кн.: М. Шолохов. Лазоревая степь. М., Московское т-во писателей, 1931.

трансформировались в «Тихом Доне». «Тихий Дон», продолжая линию рассказов Шолохова, сразу поставил его в первый ряд не только пролетарской, но и всей советской литературы¹.

Напряженная дискуссия, развернувшаяся в конце 20-х годов вокруг «Тихого Дона», дает исследователям творчества Шолохова возможность понять ту сложную обстановку, в которой шла работа писателя над его романом, осмыслить важность и значительность борьбы передовых сил советской литературы за Шолохова.

Вульгарно-социологические трактовки творчества Шолохова, лишенные сколько-нибудь серьезного проникновения в специфику творческой лаборатории писателя, злобные выпады рапповской критики по адресу автора «Тихого Дона» не имели ничего общего с научным изучением жизни и творчества Шолохова, наносили серьезный вред развитию советской литературы, были чужды тем ее идейно-эстетическим позициям, на которые она прочно становилась.

Однако было бы неверно зачеркивать абсолютно все, что сделано в 20-е годы для осмысливания творчества Шолохова. Подобная поспешность не только не способствует глубокому изучению творчества Шолохова, но и наносит большой вред этому делу. Очистив оценки тех лет от вульгарно-социологической шелухи, решительно выбросив в мусорную яму историю раппovскую дубинку, по достоинству оценив декларативные, а подчас наивно-дилетантские суждения того времени, когда наше литературоведение только еще складывалось, мы окажемся в состоянии увидеть и те рациональные зерна в критике творчества Шолохова, и те мысли, которые до сих пор разделяются нами.

В 1929 году «Тихий Дон» рассматривался как эпическое по своему жанру произведение, как роман-эпопея. Справедливо утверждалось, что «масштаб романа необычайно велик, равного ему не знает советская литература». «Замысел «Тихого Дона», — писал А. Селивановский, — в показе социальных сдвигов в среде крестьянства, в данном случае казачества и преимущественно середняков в результате войны и революции»².

В 20-х годах некоторые критики (например, А. Ревякин) уловили философский смысл «Тихого Дона», отмечали масштабность изображения действительности, психологическое мастерство писателя. Мы и теперь можем согласиться со следующими словами, написанными в 1929 году: «На фоне исторических событий живут и действуют герои М. Шолохова. Это — не схемы, а живые люди из плоти и крови, они имеют свои достоинства

¹ А. Селивановский. «Тихий Дон». — На лит. посту, 1929, № 10 (май), стр. 56.

² А. Селивановский. «Тихий Дон». — На лит. посту, 1929, № 10 (май), стр. 49,

и недостатки. И Бунчук и Подтелков удались автору¹, и все же в центре внимания писателя остаются не отдельные личности, не моменты личных взаимоотношений вроде романа Бунчука с Анной, а движение масс, их настроения, борьба, достижения. Шолохову удалось найти соответствующие пропорции для показа масс и отдельных личностей...»².

Не следует проходить мимо первых читательских отзывов о произведениях Шолохова³, тем более, что в них порой содержатся оценки более глубокие, чем в критических статьях позднейшего времени. Рабочий завода «АМО» тов. Тюряков, анализируя образ Григория Мелехова, как бы отвечает некоторым критикам на вопрос, почему Григорий Мелехов не идет прямым путем к коммунизму: «Кое-что он (Григорий) сознает, кое-что не понимает, и вполне понятно, что среди казачества в это время законченного революционера быть не могло. Если бы Шолохов нарисовал такого всесторонне развитого, все понимающего революционера, то он дал бы ложный тип. Те колебания, которые мы замечаем в нем, вполне понятны и очень ярко рисуют людей из казачества, которые начинают понемногу сознавать свое человеческое достоинство»⁴.

Особенно плодотворным на творческом пути Шолохова было начало 30-х годов (1930—1931 гг.). В это время, наряду с напряженной работой над «Поднятой целиной», писатель завершал третью книгу «Тихого Дона», дописывал и перерабатывал ее последние страницы. Обе книги появились в свет одновременно, в 1932 году. В это время советская литература, выросшая и окрепшая в борьбе с реакционными влияниями и буржуазной идеологией, вступила в новый период своего развития, становилась на путь все более широкого охвата жизни, бурно развернувшегося социалистического преобразования страны. Мимо больших революционных событий тех лет не мог пройти и Шолохов. Размах социалистического строительства, исторические указания партии осветили работу писателя не только над «Поднятой целиной», но и помогли глубже осмыслить события, изображенные в третьей книге «Тихого Дона».

Летом 1931 года Шолохов сдал рукопись третьей книги «Тихого Дона» в редакцию журнала «Октябрь». Однако «ортодоксальные «вожди» РАППа обвинили писателя в том, что он якобы оправдывает изображенное в шестой части романа бело-

¹ Кстати, в критике тех лет образ Бунчука явно оглуплялся (С. Динамов, А. Ревякин и др.).

² Ф. Бархина. М. Шолохов. «Тихий Дон», кн. 2.—Красная звезда, 1929, 9 марта, № 57, стр. 4.

³ А. Розин. «Тихий Дон» на Дону.—Русский язык в советской школе, 1929, № 3, стр. 125—127; А. И. Читатели говорят.—На лит. посту, 1929, № 7 (апрель), стр. 43—44.

⁴ На лит. посту, 1929, № 7 (апрель), стр. 43—44.

казачье восстание. Узнав об этом, Шолохов обратился за помощью к А. Серафимовичу и М. Горькому. Письма его к ним были полны тревоги за свою работу. Горький внимательно прочел рукопись и настоятельно рекомендовал редакции журнала опубликовать ее. «Третья часть «Тихого Дона», — писал он А. Фадееву, — произведение высокого достоинства, на мой взгляд — она значительнее второй, лучше сделана... Шолохов очень даровит, из него может выработаться отличнейший советский литератор»¹.

В статьях и письмах этого времени М. Горький неоднократно отмечал талантливость автора «Тихого Дона», ставил его роман в число наиболее значительных произведений советской литературы. «Мы можем законно похвастаться, — писал он в статье «О литературе» (1930), — что в целом ряде книг молодые наши писатели давно уже успели и сумели хорошо изобразить войну 1914—1918 годов со всеми ее ужасами. Широко и многими весьма талантливо использован героический и трагический материал гражданской войны. Надолго останутся в новой истории литературы яркие работы Всеволода Иванова, Зазубрина, Фадеева, Михаила Алексеева, Юрия Либединского, Шолохова и десятков других авторов, — вместе они дали широкую, правдивую и талантливейшую картину гражданской войны»².

Обращая внимание «на литературу в целом, а не на единичные явления ее», оценивая ряд книг, посвященных теме гражданской войны, Горький связывает эти произведения с успехами напряженного строительства нового мира, указывает, что «никогда еще и нигде литература не шла так «нога в ногу» с жизнью, как она идет в наши дни у нас».

В произведениях о гражданской войне Горький видит и героику в изображении больших революционных событий, и талантливое использование «трагического материала гражданской войны», призывает раскрыть не только индивидуальное лицо каждого автора, но и ставит в связь произведения таких разных писателей, как Вс. Иванов, А. Фадеев, М. Шолохов. Говоря о Шолохове и других литераторах, Горький отмечает широту повествования, правдивость изображения ими исторических событий.

М. Горький говорил о Шолохове: «Он пишет, как казак, влюбленный в Дон, в казацкий быт, в природу». Появление этого замечания в 1931 году связано с тем, что именно в третьей книге «Тихого Дона», в большей мере, чем в предыдущих томах романа, раскрылось лирическое дарование Шолохова. Отмечая творческий рост автора «Тихого Дона», Горький видел и слабые, на его взгляд, места третьей книги романа, считал, что

¹ Из неопубликованного письма А. М. Горького к А. А. Фадееву. 3 июня 1931 г.

² М. Горький. Собр. соч., в 30 томах, т. 25, М., Гослитиздат, 1953, стр. 253.

Шолохов порой не четко отделяет авторскую позицию от позиции своего героя, Григория Мелехова.

Горький, однако, лишен был возможности прочесть весь роман, а следовательно, и определить его место и значение в литературе. Великий пролетарский писатель, вслед за некоторыми литераторами, назойливо утверждавшими ограниченность «Тихого Дона» областной тематикой, склонен был, к сожалению, без всяких на то оснований относить автора «Тихого Дона» к «областным» писателям.

Однако Горький предупреждал недоброжелателей и защитников о необходимости бережного, тактичного отношения к Шолохову, как писателю, который стремительно поднимается на высоту социалистического художника.

Творческий рост Шолохова был стремительным, мировоззрение его с годами все более кристаллизовалось, а мастерство совершенствовалось. Но критика 20-х и начала 30-х годов не хотела этого замечать и по-прежнему втискивала писателя в свою вульгарно-социологическую схему развития художника.

Только со времени появления в свет «Поднятой целины» и третьей книги «Тихого Дона» разглагольствования о «чуждости» Шолохова нашей литературе прекратились. Но чтобы как-то оправдать свои первоначальные позиции в оценке «Тихого Дона», была сделана попытка рассечь надвое творчество Шолохова, противопоставить его последние книги первым двум. Галина Колесникова, например, утверждала, что если первая книга «Тихого Дона» только лишь «знакомила читателя с бытом и нравами дореволюционного казачества», а вторая — просто «не оправдала надежд читателя», то «третья книга «Тихого Дона», так же как и первая книга «Поднятой целины», в значительной мере (?) уже написана методом социалистического реализма»¹.

Став на позиции откровенного вульгарного социологизма, Г. Колесникова солидаризировалась со всеми обвинениями, предъявленными Шолохову рапловской критикой, она усердно твердила о «надпартийности» Шолохова, об «идеализации» им старины, о «натурализме», «объективизме» его творчества и т. п. Даже в третьей книге, по ее мнению, Шолохов якобы «переплетает социальное с биологическим». Не вдумываясь в сущность формулировок, бездумно бросаясь ими, она писала: «И чем дальше он удаляется от объективизма, тем ближе он приближается к социалистическому реализму» (стр. 215). И наконец, печальным свидетельством того, как понимала Шолохова и писала о нем критика начала 30-х годов, является следующая цитата из статьи Г. Колесниковой: «Весь роман с Аксиньей — торжество инстинкта, гимн человеческой страсти... Любовь Григория к Аксинье прежде всего красива: красота в ее непо-

¹ Г. Колесникова. «Тихий Дон» Мих. Шолохова. — Октябрь, 1933, № 2, стр. 211, 215.

средственности, в огромной силе притяжения двух прекрасно сочетающихся существ» (стр. 218).

Даже после ликвидации РАПП'а вульгаризаторы продолжали, как справедливо писал В. Гоффенштейнер, твердить о «не совсем наших» идеях «Тихого Дона», об «идеализации казачьего быта», об «абстрактном гуманизме», о «биологизме», «пантеизме», «объективизме» и прочих «измах», свойственных якобы Шолохову как автору «Тихого Дона»¹.

Ярким примером поразительного упорства вульгарно-социологической критики является статья Ф. Гинзбурга «Тихий Дон» М. Шолохова². Автор этой статьи озабочен прежде всего пре-словутым «социальным генезисом творчества Шолохова». «Вопрос о классовой природе творчества Шолохова до сих пор остается открытым,— с сожалением пишет Ф. Гинзбург,— несмотря на то, что именно Шолохов имел возможность почувствовать, как субъективны методы критики, допускающие в определении классового генезиса художника амплитуду колебания от признания его кулаком и контрреволюционером до закрепления за ним звания пролетарского писателя» (стр. 125).

Механически перенося ленинскую оценку Л. Толстого на творчество Шолохова, вульгаризируя основные положения марксистско-ленинской эстетики, Ф. Гинзбург не только не вносил ничего нового в понимание специфики и своеобразия шолоховского творчества, но и безмерно запутывал вопрос о творческом методе автора «Тихого Дона» и его связях с Л. Толстым³, о сущности Григория Мелехова как художественного типа и др.

Наклеивание классовых ярлыков и раздача званий были едва ли не самыми любимыми занятиями рапповской критики, захлебывавшейся от административного восторга и не желавшей учитывать художественного своеобразия, специфики литературы. Даже А. Фадеев, наиболее решительно порывавший со своими рапповскими ошибками, не обнаружил в это время глубокого понимания творчества Шолохова. Справедливо считая, что «изучение «Тихого Дона» и «Поднятой целины» может показать, как крепнет в этом писателе тенденция социалистического реализма», Фадеев указывал ошибочные пути исследования творчества Шолохова, который, по его мнению, якобы постепенно освобождается «от элементов ползучести, неосмыслилого бытописательства, областничества...»⁴.

Постановление ЦК РКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» (23 апреля 1932 г.) сыграло

¹ В. Гоффенштейнер. Михаил Шолохов. М., Гослитиздат, 1940, стр. 59.

² Знамя, 1933, № 6, стр. 124—141.

³ Так, например, причину влияния «стилистических и композиционных приемов Толстого на Шолохова» Ф. Гинзбург видит в том, что «оба писателя отражают» «идеи и чаяния крестьянства» (стр. 125).

⁴ А. Фадеев. Старое и новое. Вопросы художественного творчества.—Лит. газета, 1932, 11 ноября, № 51, стр. 4.

громадную роль в развитии советской критики, способствовало наступлению перелома и в изучении творчества Шолохова. С этого времени начинается новый этап, положивший начало углубленному осмыслению того вклада в советскую и мировую литературу, который внес своими романами этот большой художник.